

Книжная рецензия

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-173-177>

От носителя текста к объекту наследия. Рецензия на книгу «Изобретение редкой книги. Частный интерес и общественная память 1600–1840»

Ирина Алексеевна Чернова

Независимый исследователь, Буэнос-Айрес, Аргентина
Los7pilares@yahoo.com.ar

McKitterick D. La invención de los libros raros: Interes privado y memoria publica (1600–1840) / D. McKitterick, Traductora M. Averbach. — Buenos Aires: Ampersand, 2023. — 678 p.

Для цитирования: Чернова И. А. От носителя текста к объекту наследия. Рецензия на книгу «Изобретение редкой книги. Частный интерес и общественная память 1600–1840» // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 3. — С. 173–177.
<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-173-177>

Book review

From Text Carrier to Heritage Object: Book Review of *The Invention of Rare Books: Private Interest and Public Memory, 1600–1840*

Irina A. Chernova

Independent researcher, Buenos Aires, Argentina
Los7pilares@yahoo.com.ar

© Чернова И. А., 2025

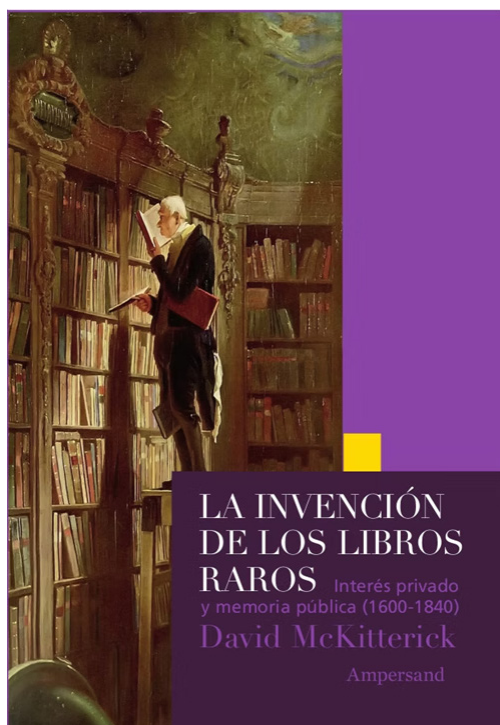
McKitterick, D. (2018) *The Invention of Rare Books: Private Interest and Public Memory, 1600–1840*. Cambridge: Cambridge University Press (Sp. ed.: (2023) *La invención de los libros raros: Interés privado y memoria pública (1600–1840)*. Buenos Aires: Ampersand).

Abstract. The work of David McKitterick, former librarian of Trinity College and now emeritus professor at Cambridge, offers profound insight into bibliophilia and the concept of the book as an object. What is the value of a book? What makes a book rare? Why are some old books so sought after by collectors? The author is among the first to clearly establish a connection between the politics of memory and the book as a physical object of cultural heritage. The common understanding of a book is often limited to its text, rather than its material embodiment. This is partly because a text must be distributed to reach a wide audience. Yet, replication is incompatible with terms like uniqueness or collectible value. Modern cultural studies question the primacy of information over its physical carrier. This new perspective calls for seeing a printed book not merely as a passive vessel for information, but as a “thing in itself”, which demands new methods and approaches. David McKitterick emphasizes that digitization, though increasingly in demand today, strips a book of its material dimension. The availability of digital copies can make readers oblivious to the existence of tangible books. The other extreme is to attribute excessive value to any old book. The author employs the method of historiography to define rarity as the core criterion for a book's value. Rarity involves not only a scarce number of copies but also a wide variety of individual aspects specific to an entire edition or a particular copy. McKitterick's work clearly demonstrates how a rare book, regardless of how we define the term, becomes an object of memory akin to a work of art, reflecting the cultural experience of a country and its generation.

For citation: Chernova, I. A. (2025) 'From Text Carrier to Heritage Object: Book Review of *The Invention of Rare Books: Private Interest and Public Memory, 1600–1840*; Concept: Philosophy, Religion, Culture, 9(3), pp. 173–177. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-173-177>

В эпоху бурного развития искусственного интеллекта и кажущегося неумолимым технического прогресса, когда вопрос консервации печатных материалов зачастую сводится к их оцифровке, а изрядно поднадоевшие споры о том, устоит ли бумажная книга перед практичным напором электронной, кажутся и вовсе устаревшими — когда, как не в такую эпоху, впору задуматься о ценности книги как объекта?

Фундаментальный труд Дэвида МакКиттерика, много лет прослужившего библиотекарем в знаменитом Тринити Колледж, а ныне — почётного профессора Кембриджского университета, рассматривает историю книгопечатания и дистрибуции печатных материалов с необычного для большинства из нас ракурса. Исследователь задается неочевидными вопросами: что, собственно, мы подразумеваем, употребляя выражение «редкая книга»? Какое значение вкладывалось в это понятие на протяжении веков и каким

историческим изменениям оно было подвержено? И, наконец, каковы механизмы, обращающие просто старую книгу в объект вожделения коллекционеров? «Изобретение редкой книги...», недавно впервые опубликованное на иностранном (испанском) языке [McKitterick, 2023], исследует множественные факторы, обусловившие зарождение так называемой библиофилии и — вероятно впервые — устанавливает связь между общественной политикой памяти и физической книгой как объектом наследия.

В сознании обывателя, что само по себе неудивительно, издавна и неискоренимо главенствует восприятие книги исключительно как «текста», или, точнее сказать, некоего содержательного пласта, существующего на второ- или даже третьестепенном с точки зрения значимости носителе. Подобное восприятие — к слову, имеющее право на существование — легко поддаётся объяснению. Так, в знаменитом эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин утверждал: «Репродукционная техника заменяет уникальное проявление массовым» [Беньямин, 1996: 22]. Безусловно, это суждение справедливо в первую очередь в отношении печатной книги, до недавнего времени рассматривавшейся (в том числе и наукой) исключительно как источник информации. Книга, существующая как объект в единственном экземпляре, конечно, могла бы считаться по аналогии с картиной или скульптурой уникальным произведением. Однако такое восприятие вступило бы в противоречие с принципом текста, основная задача которого — быть донесённым до максимально широкого круга читателей — неосуществима без репродукции, а значит — тиражирования, несовместимого с такими терминами, как уникальность или — для человека, не причастного к специализированным аукционам — коллекционная ценность. Даже в случае любительских или малотиражных изданий, книгопечатание подразумевает необходимость производства некоторого количества экземпляров. В то же время, под сохранностью книги, как правило, подразумевается сохранность её

содержимого. Другими словами, для подавляющего большинства людей первое издanie, скажем, Сервантеса и оригинальное полотно Гойи — явления совсем не одного порядка.

Тем не менее, современная культурология, уже однажды опровергнувшая догмат преваляирования содержания над формой, идёт всё дальше, на этот раз ставя под вопрос главенство информации над её физическим носителем. Новый вектор, заданный учёными, призывает увидеть в бумажной книге не просто пассивный хранитель информации, обладающий теми или иными вторичными характеристиками, обусловленными эпохой его производства, но и «вещь в себе». Это «овеществление» влечёт за собой необходимость развития новых методологических подходов в изучении книги. Видение профессора МакКиттерика, далекое как от классических концепций литературоведения, так и от консервативных идей иных библиотечарей, прекрасно вписывается в этот вектор.

Рассуждая о методах и принципах работы, общепринятых в большинстве библиотек мира, МакКиттерик предлагает читателю задуматься о том, что любой процесс оцифровки превращает трёхмерный объект в плоское изображение на экране, не имеющее тактильных и иных характеристик, свойственных оригиналу (на ум приходит платоновская дихотомия идей и вещей). Одновременно с этим, создание межуниверситетских программ оцифровки — дело, безусловно, необходимое и значительно облегчающее жизнь исследователям — фактически уничтожает интерес к неоцифрованным экземплярам, способствуя укоренению представления о несущественности различий между ними. Ни в коем случае не задаваясь целью противостоять подобному подходу, МакКиттерик ставит перед аудиторией немало риторических вопросов, которые, несомненно, позволят нам пересмотреть устоявшиеся воззрения на бумажную книгу.

И всё же, предупреждает исследователь, повышенное внимание к книге-объекту отнюдь не означает необходимости впадать в противоположную крайность,

объявляя достоянием любой книжный документ, возраст которого превышает определённое число лет. Напротив, отсутствие чётко прописанных критериев ценности изданий во многом усложняет работу профессионалов библиотечного дела в условиях глобального переизбытка информации, в том числе печатной. Принимая во внимания тот факт, что формирование концепции редкой книги послужило толчком к закреплению институционных и государственных политик в области библиотечного дела, которые могут — и должны — меняться сообразно новым открытиям в этой сфере, сегодня видится особенно необходимым дать определение размытому понятию *редкости*. Иными словами, тому, что составит наиболее оберегаемый канон и станет наследием уже не столько литературного, сколько вполне материального характера, ценность которого не будет всецело определяться ценностью содержания.

В поисках этого определения Дэвид МакКиттерик прибегает к историографическому подходу. Его работа охватывает весьма широкий период — с начала XVII по вторую половину XIX вв. — что позволяет читателю проследить исторические пути формирования концепции редкой книги и её метаморфозы в хронологический перспективе. Так, уже в 1661 г. французский библиотекарь-первопроходец Габриэль Ноде вскользь упоминает о необходимости приобретения «редкостей», а спустя столетие норвежский издатель Иоганн Фогт предпринимает первую попытку классификации в «Исторической критике редкой библиотеки» (*Axiomata historico critica de raritate librorum*). В XIX в. французский библиограф и книготорговец Жак Шарль Брюне публикует первое в своём роде пособие для библиофилов, ставшее отправной точкой новой книговедческой парадигмы.

Как всячески подчёркивает МакКиттерик, источники, ранее практически обделённые вниманием учёных — будь то тексты и пособия, предназначенные для внутреннего пользования профессионалов книжного дела, или, в первую очередь, инвентарные книги и каталоги

книготорговцев — являют особую ценность для современных исследователей. Интересно и его указание на принципиальные различия между каталогами, созданными в частных целях, и каталогами библиотек национального значения. Диалог между частным и общественным, выходящий далеко за пределы культурологических изысканий, проявляется здесь в самой неожиданной форме. В то же время, учёный делает акцент на двойственности понятия «редкий» (*rare, raro*) в большинстве европейских языков: речь может идти не только о скудном количестве копий, но и о самых различных индивидуальных аспектах, которые могут относиться как ко всему тиражу, так и к конкретному экземпляру (стоит добавить, что критерии определения «уникальности» будут значительно разниться в этих двух случаях).

Большой раздел уделяется непосредственно физическим характеристикам книг, признанных редкими. К примеру, переплёт и переплётное искусство рассматриваются соответственно не только отстраненно-эстетическим, но и практическим (допустим, обеспечение сохранности конкретного экземпляра) и, более того, паратекстуальным функциям.

Немаловажно отметить и то, с какой настойчивостью МакКиттерик говорит о существенной роли частных коллекционеров в становлении феномена редкой книги. Нечасто встречающееся в научных текстах понятие «библиофил» лишается, таким образом, флёра легковесности: собирательство редких изданий становится уже не просто экстравагантной боковой ветвью человеческой деятельности, а необходимым культурообразующим занятием, определяющим *de facto* некую систему ценностей. В то же время, замечает МакКиттерик, создание подобной системы ценностей возлагает серьёзную ответственность на практикующих антикваров: не стоит забывать, что понятие редкости, несмотря на философскую глубину, во многом определяется и колебаниями свободного рынка, а значит, весьма приземлёнными законами спроса и предложения. «Изобретение редкой книги» не оставляет без внимания и книготорговцев далёкого

прошлого, подчёркивая их незаслуженно забытую роль в формировании облика материального культурного наследия.

Труд Дэвида МакКиттерика наглядно показывает, как редкая книга — каким бы смыслом мы не наделяли это выражение — наравне с предметами искусства становится объектом памяти, отражением культурного опыта страны и поколения, что, в свою очередь, ставит перед иссле-

дователями самых разных профилей ряд новых, доселе неизученных задач, а также заставляет переосмыслить многие из устоявшихся политик в сфере сохранности и популяризации культуры. Несомненно, этот труд будет полезен и интересен не только историкам и библиотекарям, но и коллекционерам, деятелям искусства, букинистам и самой разнообразной публике.

Список литературы:

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. — Москва: Медиум, 1996. — 239 с.

McKitterick D. La invención de los libros raros: Interés privado y memoria pública (1600–1840) / D. McKitterick, Traductora M. Averbach. — Buenos Aires: Ampersand, 2023. — 678 p.

References:

Benjamin, W. (1980) 'Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit', in *Gesammelte Schriften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 431–469. (Ru. ed.: (1996) *Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: Izbrannyye esse*. Moscow: Medium Publ.).

McKitterick, D. (2018) *The Invention of Rare Books: Private Interest and Public Memory, 1600–1840*. Cambridge: Cambridge University Press (Sp. ed.: (2023) *La invención de los libros raros: Interés privado y memoria pública (1600–1840)*. Buenos Aires: Ampersand).

Информация об авторе

Ирина Алексеевна Чернова — магистр литературы, партнёр антикварного книжного магазина Los Siete Pilares. CP1068, Буэнос-Айрес, ул. Парагвай, 439 (Аргентина)

Information about the author

Irina A. Chernova — Master of Letters, partner of an antique bookstore Los Siete Pilares. 439, Paraguay st., Buenos Aires, Argentina, CP1068 (Argentina)